

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра теории государства и права

Ю. Л. Проценко

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Лекция

Волгоград 2000

ББК 67.3(2)414
П84

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Д.М. Туган-Барановский;
д-р ист. наук, профессор В.Д. Зимина

Печатается по решению редакционно-издательского
совета университета

Проценко Ю.Л.

П84 Древнерусское государство и право: Лекция. — Вол-
гоград: Издательство ВолГУ, 2000. — 60 с.
ISBN 5-85534-368-5

Исследование древнерусского государства всегда было са-
мой сильной стороной отечественной историографии и одним из
наиболее успешно развивавшихся направлений российской ис-
торической науки в целом, о чем свидетельствует появившийся в
последнее время ряд монографических изданий по Киевской Руси.
Написанная на этих материалах учебная лекция «Древнерусское
государство и право» делает ее полезной, интересной и обучаю-
щей, способствуя профессиональной подготовке студентов.

ISBN 5-85534-368-5

© Ю.Л. Проценко, 2000
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2000

Введение

В целях дальнейшего совершенствования учебного процесса, повышения эффективности учебных, методических и научных разработок ученый совет исторического факультета Московского государственного университета своим решением от 17 февраля 1997 года ввел в структуру факультета новое подразделение — Информационно-аналитический центр по теоретическим проблемам исторической науки.

Теоретические проблемы исторической науки, бесспорно, играют сейчас все более важную роль в практике подготовки кадров историков высшей квалификации. Это вызвано и сложными противоречивыми процессами, протекающими в отечественной исторической науке последнего десятилетия, и мировой исторической практикой, выдвинувшей в XX столетии целый ряд теоретических направлений, которые долгие годы были недоступны отечественным исследователям, и вынужденной, явно противоречащей реальным потребностям российской науки и образования, не востребованностью выдающихся достижений как дореволюционной российской историко-теоретической мысли, так и теоретико-исторической мысли российского зарубежья.

29 апреля и 10 июня 1997 года состоялись первые заседания Информационно-аналитического центра по теоретическим проблемам исторической науки.

Темой заседания, состоявшегося 10 июня 1997 г., стало обсуждение подготовленной к изданию книги И.М. Савельевой и А.В. Полетаевой «История и время: в поисках утраченного». Авторами книги впервые в отечественной науке предпринята попытка изучить методы исследовательской работы историков со временем — от использования хронологии до построения математических моделей исторических циклов. Информационная революция, переживаемая мировым сообществом в последние десятилетия, не отменяет важнейшую монополию историка — монополию на время, на прошлое. Не прогноз будущего или объяснение настоящего, что часто ожидается от историков, а прежде всего изучение прошлого должно быть предметом истории как науки.

Сегодня изучение прошлого может быть основано не только на постулате о примате материальных, экономических факторов, но и на связи личного с общественным, базирующейся на идеалистических позициях, на самодетерминации духовных процессов.

Другими словами, методология сегодня, в отличие от прошлых лет, освобождается от обязательных функций, свойственных нуждам политической конъюнктуры.

Особенно важно это для историко-правовой науки, для которой свойственны временные рамки существования той или иной правовой системы, инициаторов и авторов правовых реформ и законодательных актов, форм правления и государственного устройства, существовавших и существующих в определенный период в той или иной стране.

История отечественного государства и права — закономерная смена типов и форм государства, правовых систем на территории нашей страны. Будучи частью истории Отечества, история государства и права является вместе с тем юридической наукой, одной из фундаментальных правовых дисциплин.

История — это непрерывное и в общем-то поступательное движение. Однако изучить это движение с точки зрения теории единого потока практически невозможно. Требуется установление определенных временных и территориальных пределов. В контексте этих понятий и рассматривается Древнерусское государство и право как порождение совокупности новых политических, правовых, социальных и идеологических явлений на рубеже первого и второго тысячелетий новой эры.

План лекции

- 1. Образование Древнерусского государства.*
- 2. Социально-экономический строй Древней Руси.*
- 3. Государственный механизм.*
- 4. Древнерусское право.*

1. Образование Древнерусского государства

Расположенное на великой Восточно-Европейской равнине Древнерусское государство с момента его образования являлось одним из крупнейших государств того времени и сыграло важную роль в истории не только народов России, но и народов Центральной и Западной Европы.

Древнерусское государство образовалось в итоге длительного процесса развития восточнославянских племен. Славянские племена — одно из важнейших этнических образований Европы.

Самые ранние известия письменных источников о славянских племенах относятся к I—II вв. н. э. (Тацит, Плиний, Птолемей). Под именем венедов славяне населяли тогда территории в бассейне реки Вислы и побережья Балтийского моря.

Начиная с VI в. источники о славянах становятся многообразными и достаточно содержательными. Это находится в прямой связи с той ролью, какую к тому времени начинают играть в Восточной Европе славянские племена и их борьба с Византией, которая, так же как и Римская империя, но от Рождества Христова, вполне может считать себя родоначальницей всех последующих больших и малых имперских притязаний.

История не знает славянских нашествий, как и не знает имен тех народных вождей, которые, возбуждая у соплеменников триумфальный восторг и заражая их идеей мирового господства, оставили бы, подобно римским императорам, великое, если с завоевательных позиций, и страшное, если обратиться к людским страданиям, наследие отгремевших эпох.

У славянских племен не было ни триумфальной столицы, ни триумфальной дороги к ней, по которой въезжали бы покорители мира, ведя пленных и неся трофеи, то есть чужое богат-

ство, отобранное для своих нужд. А что касается Третьего Рима (чем и ныне кое-кто пытается еще попрекнуть Москву), то, во-первых, это было всего лишь желание, а не воплощенная действительность, а во-вторых, желание, связанное, скорее, с византийскими привнесениями, чем с идеей доморощенной, тем более народной, которое потому и не могло прижиться на русской земле.

История не знает славянских нашествий, но зато в ней четко обозначены другие — нашествия гуннов, аваров, печенегов, половцев, татаро-монголов, наконец французов и немцев — и это уже в наше, просвещенное время. Однако по злой ли воле судьбы, по исторической ли заданности воинственными и агрессивными, как и прежде, считаются славяне, русские, Россия, но никак не те народы и государства, на совести которых кровь миллионов загубленных жизней, грабежи, жестокость, вандализм. Испанцы, англичане, французы, открыв и захватив для себя огромный континент и истребив или почти истребив жившие на нем племена и народы, видят в этом акте истории Божье провидение и, поставив себя во главе миролюбивых сил планеты, готовы диктовать, да и диктуют мировому сообществу свою волю.

Россия же распространила свое влияние на Сибирь, которое сопровождалось не столько насилием, сколько тихой, мирной, бескровной, религиозной экспансией. Однако Россия значится не иначе как в списках агрессоров и преступников, и от нее все явственней требуют чуть ли не самоубийственного покаяния. А славянству, между прочим, есть что сказать и предъявить мировому сообществу. Ведь Россия, к примеру, только в XX столетии дважды подвергалась экономическому и духовному ограблению. Да и сегодня идет не прикрытое ничем ограбление от века будто бы воинственного, агрессивного, но отчего-то вдруг растерявшего весь свой агрессивный и воинственный пыл русского народа, России. Русский человек, веками терпевший кабалу и насилие над собой, и сегодня в силу как раз своего исторического характера и в ущерб себе продолжает терпеть, страдать и молчать.

История славянства как общности, если без предвзятости посмотреть на нее, скорее наводит на мысль, что вовсе не от воинских доблестей и победоносных шествий по чужим зем-

лям, а от понятий «славный», «добросердечный», «сговорчивый», «миролюбивый», более склонный к самопожертвованию, чем на бесчеловечность по отношению к другим, на насилие и жестокость, — от этих составляющих, характеризующих лишь дружелюбие по отношению к соседствующим народам, и происходит или, по крайней мере, должно было происходить наименование славян.

По византийским источникам установлено, что славяне в VI в. занимали огромную территорию от Дуная до Вислы и делились на три большие группы: склавинов, антов и венедов. Первые обитали между Днестром, средним течением Дуная и верховьями Вислы, вторые — в междуречье Днестра и Днепра, в нижнем их течении и в Причерноморье, третьи — в бассейне Вислы. Исследователями высказано мнение, что указанные три группы в дальнейшем развитии дали три ветви славянства: южную (склавины), западные (венеды) и восточную (анты). Однако источники VI в. не содержат еще указаний на какие-либо различия между этими группами, а, наоборот, объединяют их, отмечая единство языка, единство обычаев и законов.

Единство славян находило выражение в их общественном устройстве. Славяне в VI в. переживали последнюю стадию развития общинно-родового строя. Основой общественной организации у славян стала патриархальная семейная община. Государства у славян в VI в. еще не было. Наряду с народным собранием существовали племенные вожди или князья. Вожди славянских племен принадлежали к зарождавшейся родоплеменной знати, выделявшейся по своему имущественному положению из основной массы населения. В VI в. племенная раздробленность еще не была преодолена славянами. Однако тенденция к созданию более прочного единства у них уже имелась. Этому в немалой степени способствовала та обстановка постоянной войны, которую вели славяне против Византии на протяжении почти всего VI века. В ходе этой борьбы создавались союзы славянских племен.

Основным занятием славян являлось земледелие, ставшее уже повсеместно пашенным. Обработка земли велась с помощью тягловой силы орудиями плужного типа, возделывался широкий круг зерновых культур: пшеница, рожь, зернобобовые и волокнистые культуры. Подсека и перелог, игравшие еще

большую роль, особенно в северных районах, начинали вытесняться двух- и трехпольной системой с паровым клином. Большое значение в хозяйстве славянина имело животноводство. Охота и рыболовство были распространены повсеместно.

Распространение пашенного земледелия на всей территории расселения славян означало огромный прогресс по сравнению с подсечной системой, бытовавшей прежде.

Другим важным показателем роста производительных сил у восточных славян было развитие ремесла. В некоторых славянских поселках обнаружены десятки домниц, в которых выплавлялось железо. Раскопки показывают, что в славянских домах занимались прядением, выделывали меха, кожи, производили посуду. Несомненно, часть произведенного продукта шла на обмен.

Ремесленное производство создало предпосылки для возникновения городов как центров ремесла. К началу X в. некоторые славянские города-укрепления, такие как Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород, превратились в центры ремесленного производства.

Вместе с тем VII—IX вв. явились временем развития внешних экономических связей восточных славян со странами Востока, Византией, а также со странами Прибалтики. Великий Волжский торговый путь связал землю восточных славян с племенами Среднего Поволжья и дальше — через Хвалынское (Каспийское) море — с Востоком. Днепровский путь связал восточных славян с Византией. А к концу IX в. как Волжский торговый путь, так и днепровский путь «из варяг в греки» получили свое продолжение на север вплоть до Прибалтики, превратившись тем самым в торговые пути общеевропейского значения.

По археологическим данным, существенной чертой общественного строя славян VIII—IX вв. является наличие уже повсеместно сельской или территориальной общины как союза индивидуальных хозяев (малых семей), в собственности которых находятся жилище, орудия труда, продукт труда и обрабатываемый участок земли. Небольшой размер жилища на 4—5 человек, размещение и размер хозяйственных построек, небольшой запас продуктов — все это свидетельствует об индивидуальном характере хозяйства славян. Об этом же говорит факт сбора дани у славян с «дыма», то есть дома.

Исходя из последующего развития крестьянской общины, можно предположить в славянской общине VIII—IX вв. наличие коллективной собственности на землю, в известных случаях — коллективный труд и пережитки родового строя в быту, в правосознании и идеологии.

Частная собственность и основанный на ней индивидуальный труд с неизбежностью вели к имущественному, а значит, и социальному неравенству. Выделение из общины имущественной верхушки свидетельствовало об образовании экономически сильной группы, которая стремилась ослабить роль народного собрания и передать власть своим представителям.

Этот процесс нашел свое выражение в появлении к концу IX — началу X в. богатых славянских погребений наряду с бедными, обнаруженных археологами в крупнейших славянских городах, и в образовании на территории славянских поселений обособленных укреплений — замков, где жили выделившиеся из общины представители экономически могущественной верхушки. Все эти явления отразились в замечательном памятнике древнерусского права — Древнейшей Русской Правде, записанной в XI в. при Ярославе Мудром, но в своей основе относящейся к кануну образования Древнерусского государства.

Древнейшая Русская Правда рисует нам, несомненно, общество правящего слоя и остального населения, еще не освободившееся до конца от оболочки родового строя. Существует еще такой важнейший институт родового строя, как кровная месть и круговая порука. Но родовые связи уже начинают заменяться связями территориальными. Основная общественная организация, с которой имеет дело Древнейшая Правда, — это «мир», территориальная сельская община (слово «мир» сохранило в русском языке значение территориальной сельской общины вплоть до XX в.). Однако население этих «миров» уже перестало быть однородным по своему социальному составу.

Древнейшая Правда ярко отразила появление внутри славянских «миров» привилегированного слоя. Основное внимание она уделяет защите интересов «мужей» — термин, которым в Древнейшей Правде обозначена социальная верхушка общества славян. «Муж» тесно связан с общиной. Он живет «в своем миру». Но в противоположность рядовым общинникам «муж» не является человеком труда — земледельцем. Это преимуще-

ственно военный человек. Живет «муж» в «хоромах», окруженный многочисленной «челядью», которая работает на него. Основную массу «челяди» составляют рабы, хотя в ее составе все больше появляется и нерабов из числа общинников, которые, разорившись, потеряли свою свободу и попали в зависимость от богатых «мужей». «Хоромы» были не только жилищем «мужей», но и центром владений земель, лугов и различных угодий, на которые накладывал свою руку «муж», захватывая их у общины и превращая в свою наследственную частную собственность — «отчину» (термин, от которого произошло слово «вотчина» — обозначение феодальной земельной собственности в России). Вместе с ростом экономического богатства росла и политическая мощь «мужей». Возникновение имущественного неравенства у славян шло одновременно с образованием государства.

Из византийских источников можно заключить, что у антов VI в. государства еще не было, их князья являлись военными предводителями, не нарушавшими прерогатив и прав народных собраний, их войска составлялись из всего вооруженного народа. Дружина у князей еще отсутствовала. Военная добыча в основном доставалась воинам: ценности и пленные делились, а завоеванная земля заселялась победителями.

В процессе дальнейшего развития славянских племен в VII—IX вв. на Восточно-Европейской равнине постепенно изжились элементы народоправства. Выделившаяся верхушка из славянской общины — «мужи» (по терминологии Древнейшей Русской Правды), захватила в свои руки органы племенного самоуправления. Группируясь вокруг племенного князя, «мужи» составляли его вооруженную дружину, с помощью которой князь мог уже противопоставить свою власть пережиточным органам родового самоуправления и использовать их в интересах народившихся господ. Нормы обычного права, сложившиеся в общине, изменились применительно к новым условиям. Защита складывающейся феодальной собственности — главная цель этих изменений. Рядовой общинник, ведущий свое мелкое хозяйство, потерял черты воина и стал земледельцем. Война являлась делом князя и дружины. Так в ходе длительного развития складывались отдельные элементы государственного аппарата.

В целом имеющиеся источники (Русская летопись, арабские источники) делят славянские племена на две группы: южную, состоявшую из полян, северян и вятичей, и северную, состоявшую из словен, кривичей и включавшую в себя ряд неславянских племен. Эти два союза славянских племен явились ядром складывавшегося Древнерусского государства.

Последний этап создания Древнерусского государства источники связывают с образованием «Руси», «Русской земли», и народами, создающими это государство, — «русами» или «росами».

Известия о «Руси» и «русах», или «росах», появляются в различных источниках начиная с VI века. Еще более многочисленны свидетельства источников о Руси и русах VIII—IX веков. В IX в. русы выступают уже как мощная сила, обладающая политической организацией, возглавляемой князьями; они получают широкую известность далеко за пределами своего обитания. Свидетельства источников позволяют определить и место обитания русов в VI—IX веках. Это — район среднего течения Днепра и его притока — реки Роси. При впадении реки Роси в Днепр на высоком неприступном берегу стоял главный город русов — Родня. Эту область издревле называли Русью, или Русской землей. Позднее, когда первенствующее положение в союзе племен Приднепровья заняли поляне, наименование Русь, Русская земля было перенесено на более широкую область с центром в Киеве, а затем усвоено и Древнерусским государством.

В Древнерусское Киевское государство вошли кроме славян и некоторые соседние финские и балтийские племена. Это государство, таким образом, с самого начала было этнически неоднородным. Однако основу его составляла древнерусская народность, являющаяся колыбелью трех славянских народов — русских (великороссов), украинцев и белорусов. Она не может быть отождествлена ни с одним из этих народов в отдельности. Однако разработанная в конце XIX в. такими выдающимися профессорами Львовского университета, как М.П. Драгоманов, М.С. Грушевский, и киевским историком В.Б. Антоновичем концепция украинской истории пыталась изобразить Древнерусское государство украинским.

Названные ученые делали акцент на извечной различности племен юго-западной и северо-восточной Руси. Их излюбленным источником являлось то место из «Повести временных лет», где преподобный Нестор рассказывает о «кротких, тихих и стыдливых» полянах (славянское племя, живущее на грани I и II тысячелетий в окрестностях Киева и вниз по Днепру до порогов), противопоставляя их жившим «звериньским образом» древлянам, радимичам, вятичам, северянам, кривичам и прочим «паганам», не ведущим закона Божия, — речь идет о славянских племенах, живших к северу и востоку от полян.

Эта же идея подхвачена в наше время в националистических кругах «незалежной Украины», старающихся обособить украинские, великорусские и белорусские земли, в которых политическая и культурная гегемония будто бы принадлежала и принадлежит элементу украинскому, южному.

Между тем Древнерусское государство ни по территории, ни по населению не совпадало с современной Украиной, у них была лишь общая столица — город Киев. В IX в. и даже в XII в. еще нельзя говорить о специфически украинской культуре, языке и т. д. Все это появится позже, когда в силу объективных исторических процессов древнерусская народность распадется на три самостоятельные ветви.

Изъян украинской исторической школы в том, что ни о каком особом украинском народе, равно как великорусском и белорусском, в древних летописях нет упоминания. Имеется множество восточнославянских племен, большую или меньшую родственность которых друг другу, безусловно, признают летописцы: поляне, древляне, хорваты, волыняне, уличи, тиверцы, дреговичи, северяне, радимичи, вятичи, кривичи, прильменские славяне. Все они к XI—XIII вв. сложились в культурно-политическую целостность, которая, если верить преподобному Нестору, «начася прозывати Руска земля» с княжения Олега, «рускаго князя» (881 г.). Кстати, до сегодняшнего дня западные соседи Киевской Руси, поляки, именуют украинцев русинами.

Одновременно с образованием ядра Русского государства, путем объединения южной части восточнославянских племен вокруг Киевского центра во главе с полянами, происходил про-

цесс объединения северной части восточнославянских племен вокруг Новгорода во главе со словенами.

Завершающим моментом в этом процессе явилось объединение южной и северной группы восточнославянских племен в единое Древнерусское государство с центром в Киеве. Этот заключительный этап протекал в обстановке борьбы: на юге — с хазарами, на севере — с варягами.

Славянские племена стояли на более высоком уровне социально-экономического развития, чем кочевники-хазары. Хазарам не удалось надолго подчинить себе славян. Раньше всего ликвидировали свою зависимость от хазар поляне.

Несколько иначе развивались события на севере. Походы варягов «из заморья», то есть из Скандинавии, на земли восточных славян носили характер разбойничьих набегов варяжских дружин, для которых славянские племена были новым объектом грабежа и разбойничьей торговли. Русские летописи сообщают о насилиях варягов в отношении славян и других племен. Это привело к тому, что словене, кривичи и другие племена восстали на варягов, изгнали их «за море» и стали сами «владеть собой». В это время Новгород, подобно Киеву, уже являлся политическим центром складывавшейся славянской государственности. Новгородская летопись сохранила предание о «старейшине» Гостомысле, правившем другими старейшинами в Новгороде. Однако в Новгороде, по-видимому, еще были сильны традиции родового строя, что привело к острой борьбе за власть между родовыми старейшинами Новгорода и других городов.

В этой обстановке междоусобной борьбы в Новгороде и появляется пресловутый Рюрик — легендарный родоначальник правящей династии на Руси.

На этот счет, казалось бы, имеются надежные источники, в том числе летописное произведение — наш древнейший летописный свод «Повесть временных лет», где подробно описано, как возникло государство у славян. Это знаменитая легенда о призвании варягов: жили де славяне в своей богатой земле в беспорядке, надоела им такая жизнь и решили призвать они варяжских князей, чтобы те навели желанный порядок. Князьям за такую работу братья не очень хотелось, но потом они уступили настоятельным просьбам славян, пришли к ним, сели в трех городах в 862 г. на престолы: Рюрик — в

Новгороде, Трувор — в Изборске (недалеко от Пскова), Синеус — в Белоозере — и учредили государство. Таким образом, это событие и было принято считать моментом образования Русского государства.

Сказочность этой истории очевидна. Тем не менее такого материала оказалось достаточно, чтобы создать печально знаменитую Норманнскую теорию происхождения Русского государства. Этим занялись еще в XVIII в. немецкие историки, приглашенные для работы в Российскую Академию наук, — Байер, Миллер, Шлецер. Материал был, конечно, очень соблазнительным, а параллели очевидны: русские — народ, ни на что не пригодный. В IX в. германцы создали им государство, в XVIII в. — науку. Норманнская теория имела большой успех: начиная с Петра I пошла мода на все западное, половина царей и цариц того века были если не чистокровными немцами, то с изрядной долей немецкой крови, не говоря уже о том, что придворная камарилья была в значительной степени иноземной.

Норманнская теория происхождения Русского государства, выдвинутая историками-немцами, жившими в России в XVIII в., получила широкое распространение как в дореволюционной русской, так и в современной зарубежной историографии. Смысл все тот же: показать русских полностью зависимыми от Запада в интеллектуальном отношении.

Сторонники этой теории — «норманнисты»: американские ученые З. Бжезинский, Ж. Вьежинский, Х. Дэвидсон, Р. Пайпс — тенденциозно искажая историю, изображают славян как примитивные дикие племена, находившиеся на чрезвычайно низком уровне исторического развития и неспособные сами создать свою государственность. С точки зрения Норманнской теории «варяги» (то есть скандинавы, норманны) явились одновременно и завоевателями славян, и создателями Русского государства. В действительности же государственность у славян начала складываться задолго до IX в., к которому относятся походы варягов-норманнов в Восточную Европу. Грабительские набеги варягов были лишь помехой в развитии общества и государства у славян.

Несостоятельными являются и стремления норманнистов представить легенду «о призвании варягов» как истори-

чески достоверное свидетельство о реальных событиях. Рассказ «о призвании варягов» представляет собой творчество летописца-новгородца XI в., пытавшегося изобразить историю возникновения княжеской власти на Руси, исходя из современных ему порядков в Новгороде в XI в., куда новгородцы сами приглашали угодных им князей.

Дело в том, что история, во всяком случае, была классово-партийной наукой. Она всегда служила господствующему классу. Новгородский летописец и его поздние редакторы (автор «Повести временных лет», написанной в начале XII в., как думают историки, киевским монахом Нестором) служили той власти, которой требовалось обоснование своей правомерной, общественной необходимости, законного происхождения. Все это давала легенда о призвании варягов. Если изложить идею этой легенды современным языком, то она сведется к следующему: во-первых, власть князя, государственная власть есть представитель порядка в беспорядке; во-вторых, она установлена по воле самого народа, уставшего от беспорядка; в-третьих, она явление надклассовое, в равной мере необходимое всем членам общества. Таков был социальный заказ летописцу, и он его выполнил.

Проблема характера взаимоотношений легенды «о призвании варягов» и реальных событий требует, очевидно, дальнейшего осмысления. Исследование раннего периода русской истории затруднено недостатком сведений из источников, относящихся ко времени, предшествующему составлению первых отечественных летописных сводов (вторая половина XI — начало XII в.). В силу этого достаточно поставить под сомнение сведения Начального свода конца XI в. и «Повести временных лет» начала XII в. о Рюрике, Аскольде и Дире, о приходе в Киев Олега и Игоря, поскольку известия эти явно записаны на основе устных преданий¹. Не менее важным фактором является также и то, что, по мнению историка А.Е. Преснякова, Олег — фигура не легендарная, а историческая. Как преемник Рюрика, новгородский князь Олег организовал поход на юг, завершившийся завоеванием Олегом Киева, убийством им киевских князей Аскольда и Дира и перенесением центра объединенного государства в Киев. Это событие, относимое летописью к 882 г., традиционно считается датой образования Древнерусского государства².

Тем не менее в историографии существуют расхождения по поводу того, что представляет собой в первой половине X в. этническое образование под названием «Русь». Одни авторы исходят из того, что речь следует вести о государстве с четко оформившейся центральной властью, включавшем в себя большую часть территории, заселенной восточными славянами, и имеющем столицей Киев³. Другие полагают, что единое государственное образование еще не сформировалось, Киев не приобрел значения бесспорно главного центра, на территории Восточной Европы одновременно существовали разные варяжские группировки с независимыми конунгами-предводителями⁴. Выдвинуто, в частности, предположение, что Киев стал резиденцией русского князя только в 30-е годы X века⁵. [Конунги (по-славянски «князья») — варяжские предводители, стоявшие во главе военных дружин. Конунги нанимались на службу в городах или захватывали власть в городах и становились городскими владельческими князьями. А так как городу обыкновенно подчинялась окружающая его волость, то в таком случае образовывалось целое княжество.]

Суммируя указанные данные, можно предположительно заключить, что складывание государства Русь завершилось только к концу X в. с ликвидацией местных княжений и переходом всех восточнославянских земель под непосредственную власть киевской династии, когда на территориях всех бывших союзов племенных княжеств были посажены наместники киевского князя. Сам Киев к этому времени был признан главным центром Руси, власть принадлежала княжескому роду, контролировавшему огромную территорию непосредственно и, по меньшей мере, такую же — через признающих верховенство киевского князя местных князей.

При этом, если «...характерные признаки и свойства древневосточной государственности, существенно отличающиеся от институтов античных обществ, были вызваны к жизни спецификой как действовавших здесь экономических и социальных факторов, так и типологическими особенностями последовательно сменявших друг друга административно-политических структур»⁶, то особенности формирования Древнерусского государства были обусловлены следующими факторами:

1. **Географический фактор** — огромные слабонаселенные пространства, не имеющие четких природных границ, которые могли бы стать государственными границами (горные хребты, моря), обусловили возможность возникновения огромной (по западноевропейским меркам) страны.

2. **Этнический фактор** — на территории Восточно-Европейской равнины проживали восточнославянские, финно-угорские, балтийские племена. Общность условий обитания, занятий (оседлое скотоводство, земледелие, рыболовство, охота), языческих верований, отсутствие территориальных притязаний обусловили возможность образования государства с полиэтническим составом населения.

3. **Экономический фактор** — прохождение через территорию, населенную восточнославянскими племенами, путь «из варяг в греки», выгода сосредоточения которого в одних руках была очевидна (централизованная охрана, отсутствие таможенных пошлин) ускорили объединение Новгородской и Киевской земель в единое Древнерусское государство с центром в Киеве (882 г.).

4. **Религиозный фактор** — господство сходных языческих верований в момент возникновения государства не противопоставило одни племена другим, а принятие православия не обострило противоречий между различными этносами, поскольку оно постепенно, при очень терпимом отношении к язычникам (сравни: крестовые походы) приблизило народ к христианству.

В силу исторических особенностей возникновения государственной организации на Руси исходным ее типом была авторитарная система. В своей основе она представляет собой групповую властную структуру с несколькими относительно независимыми несамодостаточными субъектами управления. Каждый из них выступает как относительно закрытая группа людей, объединившихся для реализации своих особых интересов, или властная корпорация.

Авторитарная государственная организация Киевской Руси основывалась на родовых отношениях. Порядок княжеского владения определялся в соответствии с генеалогической и территориальной общностью обычно-правового уклада, разработанного в теории В.О. Ключевского о «лествичном восхождении» князей с одного стола княжеского на другой по известной очереди. «Очередь

эта определялась старшинством лиц и устанавливала постоянно колебавшееся, изменчивое соотношение наличного числа князей с количеством княжеских волостей или владений. Все наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лестницу. Точно так же вся Русская земля представляла лестницу областей по степени их значения и доходности. Порядок княжеского владения основывался на точном соответствии ступеней обеих этих лестниц, генеалогической и территориальной, лестницы лиц и лестницы областей»⁷.

На верху лестницы стоял старший из князей, великий князь киевский. Правя2 Русью и родичами, великий князь в особо важных случаях принимал решения не один, а собирал князей на общий совет, действовал как представитель и исполнитель всего державного княжеского рода.

Князь киевский считался всего лишь старшим среди других князей и в отличие от князей местных назывался «великим князем русским». Местные князья были относительно самостоятельными в своих владениях. А все вместе они нераздельно владели Русской землей всего княжеского рода. Таков был порядок авторитарной государственной организации в Киевской Руси, его корпоративная структура.

Целостного и достоверного освещения авторитаризма, во всяком случае российского, история еще не получила. Однако его признаки хорошо известны на уровне имеющихся современных знаний. К их числу прежде всего относятся: 1) отчуждение народа от власти; 2) значительный централизм в руководстве обществом; 3) руководство и управление обществом во всех сферах жизнедеятельности осуществляется в основном командно-административными, приказными методами; 4) доминирование в политической системе одной правящей партии; 5) наблюдается во многом неправовой характер деятельности власти; 6) ущемление прав и свобод граждан; 7) армия, полиция, органы безопасности используются для подавления оппозиционных сил, выступающих против режима; 8) все средства массовой информации и само ее содержание берутся под строгий контроль государства ⁸.

Указанные выше признаки свидетельствуют, что авторитаризм был действительно присущ Древнерусскому государству — Киевский Русь до завоевания ее татара-монголами.

2. Социально-экономический строй Древней Руси

Как и все феодальные общества, общество Древней Руси было строго стратифицировано, то есть оно состояло из сословий, страт, права и обязанности которых четко были определены законом как неравные по отношению друг к другу и государству. Однако для Древнерусского государства характерна слабая социальная дифференциация и поэтому основная масса населения разделялась на свободных и зависимых людей, что не отменяло существование промежуточных и переходных категорий.

Главную массу населения составляли смерды: это было общее название для свободных жителей городов и сел, хотя существует мнение, что смерды — это сельское население, земледельческое, противоположное горожанам. Другое общее название для них было люди, в единственном числе людин.

Историк Д.И. Иловайский свидетельствует, что городское население в Древней Руси составляло главную основу государственного быта и решительно преобладало над сельским. Летописи упоминают в дотатарскую эпоху до трехсот городов. Но без сомнения это число далеко не соответствует их действительному количеству, если под городом понимать всякое укрепленное или огороженное поселение. Города эти были собственно городки или небольшие селитьбы, окопанные валом и рвом. В мирное время население их занималось земледелием, скотоводством, рыбным и звериным промыслом в окрестных полях, лесах и водах.

Поэтому жители множества городков могли постепенно расселяться по окрестным местам в неукрепленных хуторах и поселках, чтобы было удобнее заниматься сельским хозяйством; сами городки нередко приобретали более мирный характер, постепенно превращаясь в открытые селения. Отсюда все больше увеличивалось сельское население, преданное земледелию и другим хозяйственным занятиям.

Со временем города сделались значительнее и стали вмещать в себя население, более разнообразное по своему делению на классы и сословия.

Сельское население Древней Руси мало отличалось от городского. В мирное время, в зависимости от природных условий, оно занималось земледелием, звериным и рыбным промыслом, жило в тех хуторах и поселках, которые были рассеяны вблизи городов.

Со временем число хуторов и деревень множилось, да и сами городки превращались в открытые селения. Тогда и название «смерд», обозначавшее вообще простых горожан и сельчан в совокупности, постепенно усвоилось сельским, земледельческим населением⁹.

Рядом со свободным населением в городах и селах жили не-свободные люди, называвшиеся холопами (женский род — роба), челядью (единственное число — челядин), рабами.

Как способ производства, обеспечивающий жизнедеятельность общества, рабство на Руси не достигло такого уровня. Однако как общественный уклад, весьма распространенный на бытовом уровне, рабство получило соответствующее распространение. В.А. Рогова указывает на несколько причин, препятствующих в первом тысячелетии н. э. его развитию: невыгодность климатических условий (дорогостоямость содержания раба); упадок рабства в сопредельных странах (отсутствие наглядного примера для его модификации); высокий уровень развития производительных сил у славян (возможность получения больших урожаев своими силами); крепость общинных связей (невозможность обращения в рабство соплеменников)¹⁰.

Первоначальным источником рабства в Древней Руси, как и везде, служила война, то есть пленных обращали в рабов и продавали наравне со всякой другой добычей. В рабство попадали также за тяжкие уголовные преступления, в случае кражи в рабство обращался злостный банкрот. Пространная редакция Русской Правды (ст. 110) определяет еще три случая, когда свободный человек становился полным, или обельным, холопом: кто куплен при свидетелях, то есть самопродажа в рабство, кто женится на рабыне без договора с ее господином и кто пойдет без договора о свободе в услужение ключником-тиуном. Холоп не имел никаких гражданских прав и считался полной собственностью своего господина. За убийство холопа или раба штраф не назначался.

Ведение сельского хозяйства исключительно трудом челяди в пределах рассматриваемого периода изжило себя, что привело к возникновению закупничества. Закуп — человек, работающий в хозяйстве феодала за «кupu», то есть заем, в который могли включаться разные ценности: земля, скот, зерно, деньги и т. д. Этот долг следовало отработать, причем установленных нормативов и эквивалентов не существовало. Поэтому с нарастанием процентов на заем кабальная зависимость усиливалась и могла продолжаться до отработки долга с процентами или уплаты его.

Закупы могли быть ролейными (пахотными) и неролейными, оказывавшими личные услуги господину в его доме. Рольейный закуп пахал хозяйскую пашню, получая от господина плуг и борону, смотрел за скотом, исполнял любую работу, на которую пошлет его господин.

В общественном отношении закуп находился на грани свободы и рабства. Хотя закуп находился под охраной общего права, он мог искать судебной защиты от обид господина, был огражден от продажи в холопы и от залога в обеспечение долга господского; тем не менее его гражданское положение, несомненно, было принижено его бытовым состоянием.

Развитие закупничества — свидетельство нарастающей потребности более крупных хозяйств в рабочих руках, в частности, хозяйств землевладельческих, вовлекавших в свои отношения закупа. Вступив в круг этих отношений, закуп значительно принижал, согласно особым статьям (ст. 56—61) Пространной редакции Русской Правды, свою гражданскую полнокровность. Закуп попадал под дисциплинарную власть господина, под его властную опеку. В результате положение закупа становилось двойственным и внутренне противоречивым, характерным для положения полусвободных людей. Это положение, основанное на договорном обязательстве между господином и закупом, было временное, хотя далеко и не срочное.

В Древнерусском государстве в эпоху Русской Правды были еще некоторые категории зависимого населения. В Краткой и Пространной редакциях Русской Правды (соответственно ст. 25 и 14) упоминается рядович (или рядовик), жизнь которого защищена минимальным пятигривенным штрафом. Вероятна его связь с «рядом» (договором). Возможно, рядовичами были не

пошедшие в холопство и заключившие ряд тиуны, ключники и мужья рабынь, а также дети от браков свободных с рабынями. Рядовичи также исполняли роль мелких административных агентов своих господ.

Если основной общественной организацией у восточных славян в предгосударственный период, который в современной литературе принято именовать надобщинным или протогосударственным¹¹, была территориальная сельская община, то в Киевской Руси единицей общественного строя, объединявшей группы общин, поселков в более крупный союз, была вервь.

Подавляющее большинство населения Древней Руси жило в общине как городской, так и сельской. Вервь была уже не родовая община: она обладала определенной территорией, являлась субъектом права, отвечала за преступления, совершенные ее членами или хотя бы на ее территории. В ее обязанность входило искоренять в своей среде «лихих людей», охранять «всем миром» внутреннее равновесие и внешнюю безопасность бытовых отношений.

Вервь предупреждала возможные раздоры и столкновения, которые неизбежно возникали при ограниченности количества более удобных и легких для эксплуатации земельных участков, то есть выступала в качестве субъекта при земельных спорах. Она выступала гарантом взаимной защиты, охраны внутреннего и внешнего мира. Главной связью между селениями, входившими в состав верви, служили общее пользование землей, а также совокупная уплата дани и оброков в княжескую казну. Общинное пользование землей существовало у восточных славян издревле, поскольку земли было много, а обработка ее находилась еще на низкой ступени развития. Древнерусское государство, объединившее восточных славян, не создавало поземельной сельской общины, так как она была уже в обычаях и нравах народных, и государство использовало ее для сбора дани и оброка, а равно судебных вир. В результате княжеской администрации при этих сборах удобнее было иметь дело с вервью, нежели с каждой отдельной семьей, а потому при Рюриковичах славянская поземельная община получила поддержку и дальнейшее развитие.

Поскольку вервь была уже не родовая община, а территориальная, следовательно выход из нее был практически пред-

решен. Человек, вышедший из общины, назывался изгоем. Изгой упоминается в первых статьях Краткой и Пространной редакциях Русской Правды. Речь идет о человеке, лишившимся своего социального статуса, порвавшего со своей общиной. Это были также холопы, отпущенные на волю. В том и другом случае эти люди были лично свободны, но беззащитны перед обществом и государством. На них, в частности, не распространялась кровная месть и при выплате штрафов отсутствовала какая-либо помощь. Вербь же была связана круговой порукой и системой взаимопомощи.

В Древнерусском государстве существовали большие и многочисленные города. Городское население состояло из ремесленников, мелких торговцев, купечества и т. д. Будучи свободными жителями, они имели статус свободного человека, что обеспечивало им неприкосновенность личности, жилища, имущества, участие в политической жизни общества. В городах особую роль играло купечество. Оно рано начало объединяться в корпорации (гильдии), называвшиеся сотнями. Обычно купеческая сотня действовала при какой-либо церкви. Так, купеческая сотня при Ивановской церкви в Новгороде (Церковь Иоанна Предтечи на Опоках) была одной из первых купеческих организаций в Европе.

К большой группе людей, объединенных единством правового статуса, относилась древнерусская знать:

- **Лучшие мужи.** С развитием городской жизни и торговой деятельности в составе свободных людей, или «мужей», стали различать горожан и сельское население; горожане назывались «градскими людьми» и делились на «лучших» или «вятших», то есть зажиточных, и «молодших» или «черных», то есть бедных; по занятиям своим они назывались купцами или «гостями» и ремесленниками.

- **Старейшие мужи.** Люди или «старцы градские», действующие в качестве организационного центра при подборе кандидатур выборных должностных лиц.

- **Бояре.** Боярство, образовавшееся на базе дружины, смешалось с боярством родоплеменным, приобретая для себя особые привилегии. Вассальные отношения между феодалами возникли еще раньше, чему способствовала родоплеменная организация. Что же касается наделенных землей дружинников, то

они постепенно становились вассалами князя, вольными людьми, вольными слугами князя. Они могли переходить от одного князя к другому, что не считалось изменой. Только на княжеской службе можно было стать боярином, то есть вступить в ряды тогдашней аристократии. Соглашение о службе сопровождалось целым рядом условностей. Бояре, занимавшие административные должности, получали жалованье и кормы. Бояре из родоплеменной знати, как и зависимое от него население, за свою вассальную службу получали иммунитет — освобождение от платежа дани и от подсудности княжеского суда. У многих бояр была своя дружина. Их дружинники оседали на земле и превращались в вассалов второй очереди — подвассалов, которые обязаны боярину военной службой.

- **Огнищане.** Люди, принадлежащие высшему, ближайшему к князю слою дружинников старших, то есть немолодых, опытных воинов.

Итак, древнерусская знать происходила из родоплеменной знати, военной верхушки, из приближенных слуг князя, ведавших управлением княжеским хозяйством. Экономическое положение знати, как уже подчеркивалось, определялось предоставлением ей иммунитетов, то есть передачей в ее распоряжение определенной территории с правом осуществления на ней суда или сбора податей без права князя вмешиваться в эти дела. Постепенно, к XI—XII вв., иммунитеты, не связанные первоначально с землевладением, превращаются в собственность их владельцев (вотчины).

Вотчина стала основной ячейкой феодального хозяйства Древнерусского государства. Она состояла из княжеской или боярской усадьбы и зависимых от нее общин-вервей. Вотчинное хозяйство передавалось по наследству и имело натуральный характер. В вотчине работали как крестьяне, так и ремесленники. Различными отраслями хозяйства ведали специальные управляющие — тиуны и ключники. Во главе вотчинной администрации стоял огнищанин.

На всю древнерусскую знать распространялись правовые привилегии, о чем свидетельствуют статьи 19, 22 Краткой редакции Русской Правды и статьи 3, 12 Пространной редакции Русской Правды. Кроме того, если речь шла о боярах и дружин-

никах, то, вероятно, за посягательства на них применялась смертная казнь.

Правовой статус знати характеризовался неприкосновенностью личности, жилища, имущества, участием в политической жизни общества: участие в вече, международных переговорах, принятии законов, суде и т. д.

Другим господствующим классом в Древнерусском государстве было духовенство. Духовенство — это социальная, особым образом организованная группа служителей религиозного культа, рассматриваемых церковью в качестве посредников между богом и людьми. Правовое положение духовенства как привилегированной социальной группы сформировалось с принятием христианства, которое стало важным средством укрепления феодальных отношений.

С принятием христианства (988 г.) в качестве государственной религии на Руси складываются церковные организации и юрисдикция. Во главе церкви стоял митрополит Киевский, назначаемый или из Константинополя, или самим киевским князем с последующим избранием его собором епископов, который находился при митрополите. В крупных городах находились епископы, ведавшие всеми церковными делами большой округи — епархии. (Территория страны была разбита на епархии, возглавлявшиеся епископами, которых назначал митрополит; в своих епархиях епископы управляли церковными делами совместно с коллегией из местных священников — клиросом.)

Митрополит и епископы владели землями, селами и городами: у них были свои слуги, холопы, изгои и даже свои полки. Князья на содержание церкви давали десятину — десятую долю получаемых даней и оброков. Кроме десятины церковь обогащалась за счет эксплуатации принадлежавшей ей земли и живших на ней смердов, за счет штрафов, судебных пошлин. Постоянным источником расширения церковного землевладения и пополнения митрополичьей и епископальной казны были завещания — духовные грамоты.

Со времени своего возникновения Русская Православная Церковь была изъята из подсудности княжеской администрации. Она имела свой особый суд и специальное законодательство, при помощи которого властно и бесцеремонно вмешива-

лась в семейную и интимную жизнь, в мысли людей, регламентировала их поведение. В городах в XI—XII вв. было много каменных и деревянных церквей, в которых служили священники (попы) и их помощники — дьяконы. Пышность богослужений должна была воздействовать на умы простых людей.

Одной из сильнейших церковных организаций были монастыри, игравшие весьма важную роль в истории Древнерусского государства. Монастыри создавались как добровольное братство людей, отрেকшихся от семьи, от обычной (мирской) жизни и посвятивших себя служению Богу. Однако на практике монастыри оказывались крупными феодалами, владели землями и селами, вели оптовую торговлю, ссужали деньги под ростовщические проценты и всегда находились в самой гуще жизни, принимая непосредственное участие в повседневной «суете мирской» и в крупных политических событиях. Игумены (игумен — греч. *hegumenos* — идущий впереди, ведущий — настоятель мужского православного монастыря) монастырей наравне с епископами выступали как дипломаты, судьи, посредники.

В монастырях существовало резкое неравенство между бедняками без роду и без племени и выходцами из боярской или купеческой среды. Высшие церковные владыки — епископы и митрополит — могли быть выбраны только из среды монахов (греч. *monachos* — живущий уединенно в монастыре), которых в отличие от обычных священников и дьяков (белое духовенство) называли черным духовенством.

Некоторые центральные монастыри (например, Киево-Печерский, основанный в середине XI в.) стали своего рода духовной академией, куда охотно поступали сыновья крупных вельмож, стремившихся сделать карьеру. В таких монастырях были хорошие библиотеки, здесь велись летописи, сочинялись проповеди, записывались внутренние монастырские события.

Введение христианства на Руси в греко-православной форме как государственной религии открыло гораздо более широкий путь к приобщению Древнерусского государства к мировой цивилизации. Важную роль в истории Руси домонгольского периода в этой связи играла русская церковь. Несомненна польза церкви как организации, помогавшей укреплению молодой русской государственности в эпоху бурного поступательного

развития феодализма. Она способствовала развитию русской культуры, приобщению народа к культурным богатствам Византии, распространению просвещения, созданию крупных литературных и художественных ценностей.

Вместе с тем религиозная идеология, распространяемая церковью, возрождала в новой форме первобытные воззрения и на долгие века закрепляла в сознании людей идеи потустороннего мира, божественного происхождения властей и провиденциализма, то есть представления о том, что судьбами людей управляет божественная воля.

3. Государственный механизм

Древнерусское государство сложилось в форме раннефеодальной монархии, во главе которой стоял киевский великий князь. В своей деятельности он опирался на дружину и совет старейшин, юридически не оформленный, но имевший серьезное влияние на монарха. В этот совет входили приближенные великого князя, верхушка его дружины — княжи мужи.

Основными чертами раннефеодальной монархии были: а) слабая связь между отдельными регионами; б) ограниченная советом старейшин власть князя; в) дворцово-вотчинная система в центре; г) система кормления на местах. Указанные черты раннефеодальной монархии придавали следующие особенности Древнерусскому государству:

1. Обширность территории вызывала необходимость установления более сильной власти великого князя киевского и одновременно вела к большей самостоятельности общин.

2. Принятие православия вело к отсутствию борьбы за власть между верховной властью и церковью (постоянные конфликты по этому поводу между Папой Римским и западноевропейскими монархами) и усиление власти князя за счет поддержки его церковью.

Во главе Древнерусского государства стоял киевский князь, называвшийся великим князем. Княжеская деятельность основывалась на статусе главы государства и вытекала из стоящих перед государством задач. Являясь организатором народного ополчения, князь был главой общего управления земли, ох-

ранителем внешней безопасности и внутреннего мира. Именно защита внешней и внутренней безопасности составляет суть и назначение княжеской власти.

Киевские великие князья стояли во главе вооруженных сил, собирали полюдь, осуществляли законодательство. Будучи творцами законов, князья обладали обширной сферой внеправовой (надзаконной) деятельности, ответственность за которую наступала лишь перед богом. Они являлись высшей судебной инстанцией, осуществляли верховное управление, назначали наместников, руководили внешними отношениями. Князь занимался организацией военной силы, экипировкой оружия и конями, руководством военными действиями. Военно-дипломатические функции князя осуществляли как законные наследственные монархи.

Начиная с Игоря (умер в 945 г.) и Ольги (945—969 гг.) утвердился порядок передачи верховной власти по линии сыновей (Ольга не была княгиней в полном смысле, она осуществляла регентство при малолетнем Святославе). Круг претендентов на престол при этом ограничивался непосредственными представителями династии, каковой была династия Рюриковичей.

Со временем, когда явно обозначились экономические и политические предпосылки феодальной раздробленности (громкая территория Древнерусского государства усугубляла изолированность отдельных регионов), князья стремились усилить власть на собственных территориях и освободиться от опеки Киева и полагали, что нужно быть монархом уж если не в Киеве, то, по крайней мере, у себя на отчине.

Принцип отчины — это тот же принцип наследственного владения, но в той области, которой владел отец наследуемого и где родился и вырос наследуемый. Легитимность данного порядка была установлена съездом князей в 1097 г. в Любече, означавшая торжество принципов феодальной раздробленности: «каждый держит отчину свою».

Кроме того, весьма часто население городов, в которых пребывали князь и его администрация, решало вопрос на вече о приглашении на княжение какого-нибудь популярного князя или об изгнании нелюбимого народом, не обращая при этом внимания на родовые счета князей. Вече посылало своих по-

слов к избранному кандидату на престол с приглашением на княжение.

Наконец, многие, весьма часто более сильные, смелые и предприимчивые князья занимали престол силой оружия, а также выжидали и использовали благоприятные условия для захвата великокняжеского стола.

В своей деятельности князья опирались на княжеский совет, куда входили и наиболее значительные государственные фигуры. Совет при князе, хотя и был юридически не оформлен, обладал теми же функциями, что и сам князь, и имел серьезное влияние на монарха. Состав совета не был постоянным: в него могли входить местные князья, старшины городов, высшая дружина, церковные верхи. Различными были и формы его функционирования. Члены княжеского совета могли собираться в любое время и в любом месте, по мере того как у князя возникала необходимость обсуждения вопросов со своими могущественными вассалами. Решались вопросы законодательства, управления, финансов, внешней политики и т. д. Окончательное установление феодальной раздробленности сместило деятельность совета в рамки отдельных княжеств. Но в целом значение совета возрастало, регулярность его деятельности усиливалась, и в дальнейшем он составил основу формирования Боярской думы.

Великие князья, а затем и удельные при обсуждении жизненно важных вопросов совещались не только с персонами, входящими в княжеский совет, но и с широким собранием городских жителей — вече.

В историографии сложились две концепции веча: вече как собрание, где заправляет феодальная верхушка, и вече как народное собрание. Видимо, обе эти концепции имеют право на существование. Все дело в том, какие временные рамки имеются в виду. Если рассматривать вече как пережиток собраний, существовавших у славян в доклассовый период и в процессе трансформации из племенного собрания в городские, то в таком случае вече как народное собрание оправдывает свое название.

Однако в период Русской Правды вече было использовано формирующимся государством и поставлено ему на службу. Конечно, в этом случае приходится говорить о вече как собрании, где

заправляет феодальная верхушка. Ссылаясь на Б.И. Сыромятникова, автора трудов по истории России X—XIX вв., А.Е. Пресняков в принципе согласен с подобной трактовкой двух концепций веча¹².

Власть веча, его состав и компетенция не определялись никакими юридическими нормами. Вече было открытым собранием, всенародной сходкой, и все свободные люди могли принимать в нем участие. Решение вечевого собрания старшего города считалось обязательным для жителей всей волости. (Территория каждого племени на Руси называлась «землею», которая в свою очередь делилась на «волости»; в центре каждой из таких земель был старший, или «великий» город, которому повиновались младшие города.) Никакой закон не определял и не ограничивал компетенцию веча. Вече могло обсуждать и решать любой интересовавший его вопрос.

Самым главным предметом компетенции вечевых собраний было призвание, принятие, или изгнание князей, неудобных народу. Обычно обе стороны ограничивались обоюдным крестным целованием, во время которого они обещали соблюдать верность друг другу. Но иногда обе стороны заключали при этом определенные договоры. Подлежащими решению веча были вопросы о войне и мире, выборы администрации.

Созывалось вече по мере необходимости: в случае военной угрозы, необходимости смены князя, выбора администрации и т. д. Местом собрания служили или княжеский двор, или площадь у соборного храма. Сановник с какого-либо возвышения обращался с речью к народу и объявлял о причине созыва собрания. Граждане более или менее шумными возгласами выражали свое мнение. Решения веча должны были быть единогласными.

Обычай собираться на сходку для собраний был распространен издревле в земском населении Руси и производился не только в городах, но и в волостях (между сельскими жителями), особенно по вопросам хозяйственным: раздел или передел полей, раскладка и разверстка княжеских даней и других повинностей, снаряжение людей на войну и т. п.

В Древнерусском государстве рано проявились тенденции к политическому распаду. Это было закономерностью, свойственной раннефеодальным государствам, которая наблюдалась прак-

тически везде, где проходило становление феодальной формации. Попытки некоторых русских князей сохранить единство страны не увенчались успехом, предотвратить дальнейший распад государства не удалось. Отказ от безоговорочного подчинения воле старшего (великому князю киевскому) требовал настойчивого поиска компромисса. Это и послужило началу созыва феодальных съездов, получивших название «снем».

На снечах принимались важнейшие решения по политическим вопросам. Их работа зависела как от согласования политики феодальных центров, так и от локальных условий. Поэтому состав участников определялся политическими задачами. И хотя на съездах присутствовали высшие духовные иерархи: митрополит, епископы, бояре, крупные дружинники и т. д., ведущая роль на них принадлежала князьям, а точнее, ведущим мотивом было право сильного.

Характерны в этом отношении решения Любечского феодального съезда (1097 г.), оформившие вассальные обязанности в узкой княжеской среде по отношению к киевскому великому князю. По отношению к другим князьям он стал «первым среди равных»¹³, а оформившиеся отношения сюзеренитета-вассалитета поставили всех подчиняющихся князю феодалов в положение служилых людей. В наибольшей зависимости от князя находилась младшая дружина (и по возрасту, и по социальному положению) и слуги под дворским. (При княжеском дворе существовало управление обширным его хозяйством. Во главе хозяйства стоял дворский — впоследствии дворецкий. Люди, находящиеся в его подчинении, являлись «слугами под дворским».) Крупные феодалы-землевладельцы пользовались большей автономией.

В статусе крупного боярина-вотчинника соединялись право собственности на землю и власть. Первыми вассалами становились князья-наместники, не служившие непосредственно в княжеской дружине. Основной обязанностью вассалов являлась не уплата дани, а военная служба.

Что касается системы управления, то в Древнерусском государстве одновременно существовали: численная (или десятичная) и дворцово-вотчинная. Численная система своими корнями уходила в организацию военного ополчения, которое под-

разделялось на тысячи, сотни и десятки, состоявшие под управлением тысяцких, сотских и десятских.

Со временем утрачивается соответствие числовому обозначению. Тысяча стала не вооруженным числом людей, а понятием территориальным. При этом десятские, сотские, тысяцкие стали руководителями более или менее крупных звеньев государства. Так, тысяцкий сохранил функции военачальника, превратившись в воеводу; сотский же стал городским судебным-административным должностным лицом. Территория Древнерусского государства, не розданная местным князьям в качестве вотчины, была разбита на волости и погосты. Во главе волости стоял посадник. Институт посадников был наиболее важным управленческим звеном, поскольку именно посадники, назначенные князем, стали выполнять административные и судебные-полицейские функции на различных территориях, в том числе и завоеванных: организацию управления в городе и окружающих его волостях, осуществление контроля за финансовыми сборами и их распределение, организацию сбора судебных штрафов. Посадник имел своих отроков, составлявших гарнизон города и обеспечивавших выполнение посадником перечисленных обязанностей.

Функциональные обязанности посадников обеспечивались так называемой системой кормлений. Посадники получали одну треть взимаемых с населения управляемой территории податей на свое содержание и содержание своих дружин.

Дальнейшее развитие государственности, феодализации общественных отношений привели к тому, что численная система была вытеснена дворцово-вотчинной. Дворцово-вотчинная система — это система, при которой органы управления в княжеском дворце были органами управления в государстве, то есть государственные и вотчинные функции составляли как бы единое неразрывное целое, выросшее из идеи соединения управления великокняжеским дворцом с государственным управлением. Приближенные к князю лица, руководящие отдельными ведомствами княжеского двора, осуществляли функции государственного управления. Чинами этой системы были дворецкий, конюший (обеспечение войска конным составом), чашник (отвечал за продовольствие), стольник, ловчий и т. д.

Наряду с дворцовыми чинами были и должностные лица, находящиеся в штате княжеской администрации: таможенники, мытники и куномцы, которые взимали торговые пошлины; осмники наблюдали за строительством. Были и чиновники, выполнявшие судебные полномочия — вирники, которые взимали виры (судебные штрафы за убийства); мечники и метельники оказывали помощь судьям при рассмотрении дел.

Венцом, всей политической надстройки, были, безусловно, вооруженные силы. Военная организация Древнерусского государства была органически связана с периодом военной демократии.

Военная демократия как форма общественных отношений появилась у славян в VII—VIII веках. Ее признаками являлись: участие всех членов (мужчин) племенного союза в решении важнейших общественных проблем; особая роль народного собрания как высшего органа власти; всеобщее вооружение населения (народное ополчение). Племенные союзы, возникшие как военные объединения, требовали усиления власти вождя и правящей верхушки. В качестве главной военной силы и одновременно правящей социальной группы во главе таких союзов становились князь и княжеская дружина.

Дружина получала от князя содержание и жалованье деньгами, съестными припасами и другими предметами, которые она собирала для него в виде дани. Кроме того, уже в ранние времена дружинники стали получать земельные участки и угодья и владеть селами. Семьи старших дружинников (имеется в виду и возраст, и социальное положение) или бояр, сосредоточивая в своих руках значительную земельную собственность, закладывают основание высшего сословия или родовой землевладельческой аристократии.

Сыновья дружинников обычно становились такими же верными слугами князя или его преемника, как и их отцы. Древнерусская дружина была выделившееся из народа военное сословие, а не отряд каких-либо наемников. Дружина, служившая вооруженной охраной княжеской власти, постепенно становилась главным органом управления и суда. Именно из среды дружинников князь назначали посадников, тысяцких и других должностных лиц, которые объединяли в одном лице заведование как военными и гражданскими, так и судебными делами.

Итак, костяк войска — это великокняжеская дружина, которая делилась на старшую и младшую (отроки, гриди). При необходимости призывались со своими дружинами другие князья дома Рюрикова. В случае серьезной военной опасности собиралось народное ополчение для защиты от внешних врагов.

Однако по мере укрепления государственности, население, участвовавшее в народном ополчении в качестве «воев», теряло военную мобильность. Особое место стали занимать хорошо экипированные и подготовленные воины — ударный костяк армии того времени. Укреплялось положение старшей дружины, члены которой занимали привилегированное положение. С развитием вассалитета они стали крупнейшими феодалами и имели в своем распоряжении воинские контингенты.

Кроме дружины и рати у киевских великих князей для подавления народных недовольств и подчинения непокорных городов были наемные отряды, набиравшиеся из варягов, тюрских кочевников и др.

В целом Древняя Русь развивалась в том же направлении, что и крупнейшие страны Европы. Она обладала огромным государственнообразующим потенциалом и высокоразвитой сферой феодальных институтов. И только ордынское разорение, вызвавшее крайне тяжелые последствия, предопределило деформацию естественного хода исторического развития.

4. Древнерусское право

Древнерусское право, как и всякое право, рождается вместе с Древнерусским государством. Тип его, естественно, соответствует типу этого государства. Как всякое феодальное право, древнерусское право было правом-привилегией, то есть закон прямо предусматривал, что равенства людей, принадлежащих к разным социальным группам, нет и быть не может. Он не только не скрывал этого неравенства, но всячески и постоянно его подчеркивал.

Естественно, древнерусское право, как и всякое право, появилось не на пустом месте. Вопрос об исторических источниках древнерусского права весьма проблематичен. Однако многие исследователи подтверждают¹⁴, что древнерусское право

создавалось на русской почве, отражало те общественные отношения, которые сложились на Руси, закрепляло те порядки, которые были обусловлены природой древнерусского феодального общества. Древнерусское законодательство выросло из обычного права, которым определялось обычное течение древней общественной жизни, приобретшей на определенном этапе развития правовой характер, предназначавшийся охранять личность и имущество членов общества.

Нормы, существовавшие в условиях доминирования обычного права, при определенных обстоятельствах подвергались нарушению и восстановлению. При этом в отношении к конкретному случаю должно было быть найдено суждение, при котором право надо было в спорном случае найти и сформулировать. Так складывался прецедент: найденные формулы облегчали нахождение и применение права в будущем.

Но с течением времени жизнь создавала ряд явлений не вписывавшихся в обычное право. Их накопление перегружало память старейшин-старожильцев и приводило к потребности записи, начаткам кодификации. Появившиеся записи являлись вспомогательным средством для памяти и какого-либо самостоятельного правового значения не имели.

Вопрос о древнейших записях русского права был поставлен В.О. Ключевским в лекциях «Курса русской истории». Именно он указывает на разбросанные в нашей древней письменности следы старейших записей права и указывает примеры таких записей, например, в сборнике «Книги законные»¹⁵. Это наблюдение В.О. Ключевского имеет весьма существенное значение для правильного понимания Русской Правды как компиляции очень сложного состава.

Утверждение династии Рюриковичей (862 г.), ускорившее формирование государственности, положило начало системной законодательной деятельности князей.

Статус князя на Руси нашел специфику отражения в правовых кодексах, что оказало известное влияние на развитие права вообще (Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных; Устав князя Ярослава о церковных судах и др.). Каноническое и светское право в Древней Руси обнаружили большую изолированность. Постановления о церкви издавались князьями отдельными уставами. В церковных ус-

тавах исходными моментами были властные полномочия главы государства. Его статус определял границы деятельности церкви и не был закреплён в праве.

Статей, закрепляющих правовой статус князей, не знает ни одна редакция Русской Правды, статус князя не определялся и в последующих кодификациях, включая Судебники. Основная причина этого, по мнению В.А. Рогова, заключается в том, что ордынское иго застало древнерусское право на том уровне развития, когда значительная сфера правового регулирования зависела от властных, не связанных с правовыми установлениями, полномочий князя. Древнерусское право статус князя не определяло. В Русской Правде он нигде не был представлен как лицо конкретных правоотношений. Даже в случае посягательства на его имущество он присутствовал в кодексе как надзаконное лицо, конкретное правоотношение строилось с нижестоящими лицами. Это было проявление тех сторон правосознания, которые ставили князя выше закона и вне его ¹⁶.

Правовой анализ этого феномена указывает на существование в X в. «закона русского» в договорах Руси с Византией, где русские князья выступают как законные наследственные монархи. В частности, договоры 911 и 944 гг. представляют памятники высокоразвитого права. Они регулируют отношения между сторонами в случаях убийств, краж, иных преступлений, устанавливают процедуру возмещения убытков, правила торговли, наследования, выкупа пленных. Тексты этих договоров ссылаются на существование «закона русского» и «устава и закона русского», на основе которых законодатель разрешает спорные ситуации. Эти нормы использовались в последующем для разработки Русской Правды.

Итак, Русская Правда — это сложная компиляция, пересоставлявшаяся в течение долгого времени из разнородного материала. Русскую Правду можно определить как кодекс частного права: все ее субъекты являются физическими лицами, понятия юридического лица закон еще не знает. Кодекс строился по казуальной системе, законодатель стремился предусмотреть все возможные жизненные ситуации.

Списки Русской Правды делятся на три редакции. Первая редакция Русской Правды включала два крупных закона

(18 ст. + 25 ст. = 43 статьи). Хотя они созданы в разное время, но характеризуются исторической преемственностью. Первый закон (18 ст.) носит печать наибольшей давности. Второй закон (начиная со ст. 19) посвящен охране феодальной собственности и жизни лиц, служащих князю, находящихся в той или иной форме зависимости от него, а также охране имущества и личности других феодалов. Оба эти закона, объединенные в один документ, носят название Краткой редакции Русской Правды.

Отражение последующих этапов развития русского права нашло во второй редакции Русской Правды, которую называют Пространной Правдой. Пространная Правда представляет собой свод феодального права, в котором нашли отражение нормы уголовного и гражданского права и процесса. Она основана на тексте Краткой Правды и Устава Владимира Мономаха и других киевских князей конца XI—XII веков. Установлено, что при создании Пространной Правды была использована Краткая Правда.

Отличительная черта Пространной Правды заключается в том, что, «воспроизводя правовое положение личности, она довольствуется простейшими случаями, элементарными обеспечениями безопасности; зато, формулируя имущественные отношения, ограждая интересы капитала, она обнаруживает замечательную для ее юридического возраста отчетливость и предусмотрительность, обилие выработанных норм и определений»¹⁷.

Сокращенная Правда представляет собой памятник, возникший в результате значительного сокращения текста Пространной Правды. Киевское государство прекратило свое существование. Но по-другому сложилась судьба его правовой системы, его законодательства. Оно продолжало действовать и в тех государствах, на которые распалась Древняя Русь. В них создавались свои законы. Однако они не могли заменить собой всю сложную систему законодательства Киевской Руси. Поэтому текст Сокращенной Правды отобрал из древнего памятника те статьи и нормы, которые могли сохранить характер законов, действующих в период феодальной раздробленности.

К началу XI в. процесс крепнущей государственности, разложения родоплеменных отношений и появления первых зна-

ков раннего феодализма на Руси стал уже необратимым. Разложение общины и появление частной собственности способствовали расслоению и сосредоточению материальных ценностей в одних руках. Не случайно в Русской Правде в подавляющем большинстве случаев речь идет об индивидуальной собственности (конь, оружие, одежда и т. д.).

Собственник по Русской Правде имел право распоряжаться имуществом, вступать в договоры, получать доходы с имущества, требовать его защиты при посягательствах. Объектом права собственности выступал весьма обширный круг вещей — кони и скот, одежда и оружие, торговые товары, сельскохозяйственный инвентарь и многое другое.

Что касается земельной собственности, то в целом она составляла коллективную собственность общины. Однако уже в Краткой Правде зафиксирована незыблемость собственности на землю. Статья 24 Краткой редакции Русской Правды указывает на княжеское землевладение, а также на то, что князья, которые эксплуатировали крестьян, были феодалами.

Историк А.Е. Пресняков сообщает, что наряду с княжим, имели место еще два вида землевладения — церковное и боярское. Церковное землевладение в Древнерусском государстве возникло рано. Источником церковного землевладения были пожалования князей и вклады других лиц. Предметом пожалования были земли с их населением и с административно-судейскими правами и доходами над этим населением зависимых людей. Учесть размер монастырского и вообще церковного землевладения в домонгольский период по имеющимся отрывкам данных не представляется возможным. Однако церковь к началу XIII в. уже успела сосредоточить в своих руках довольно значительное земельное богатство.

Характер социально-политического властвования, связанный с этим землевладением, весьма значительный. Население церковных имений было подчинено церковным волостям: они судили его своим судом, собирали с него княжьи доходы. Князь, его бояре, его администрация не вмешивались в управление «церковным обществом». Оно было обособлено в особый организм, стоящий вне народной, обычно-правовой, организации, как и общество княжеское. И таким оно осталось на ряд веков, хотя с усилением княжеской власти эта иммунитетная автоно-

мия церкви несколько ограничилась. Древнейшее содержание этих иммунитетов было шире: всякий суд над церковными людьми принадлежал церковным властям, а дела между ними и людьми судил «общий» суд из представителей духовной и светской власти.

Третье явление того же порядка — боярское землевладение, которое строилось на принципиально иных основах, чем княжое или церковное. В XI—XII вв. в Киевской Руси еще отсутствовали признаки существования в боярских вотчинах вотчинного суда, вотчинной власти. Время иммунитета, уже народившегося для церкви, для боярства было впереди, в удельной эпохе. Нет данных и о княжеских земельных пожалованиях как источнике боярского землевладения. Возникнуть боярское землевладение могло путем заимки и распашки новин на незанятых участках. Ставилось и велось это хозяйство руками челяди. Но потребность в рабочих руках и тут создала применение полусвободного труда. Отсутствие в руках боярства такой политической силы, какой располагали князь и церковь, создает иной, чисто экономический прием для достижения этой цели — закупничество¹⁸.

Итак, князь, церковь, боярство были новыми социальными силами, основанными на крупном хозяйстве, тесно связанными друг с другом, родственными по типу и социально-политическому значению.

А поскольку речь идет о новых организациях иного типа, находящихся вне и над строем народно-общинной жизни, созданных на началах экономического и политического владения, то последние нуждались в охране земельной собственности. Поэтому статья 34 Краткой редакции Русской Правды установила высокий штраф за порчу межевых знаков.

Субъектами права собственности могли быть люди не рабского происхождения. Нормы Русской Правды защищали все виды частной собственности, регламентировали порядок ее передачи по наследству, по обязательствам и договорам.

Статьи Краткой редакции Русской Правды свидетельствуют о неслучайном возврате имущества собственника из чужого незаконного владения, включая вещи и людей. Статья 11 говорит об ответственности за укрывательство челядина. Порядок истребования последнего предполагает вменение в обязаннос-

ти незаконного владельца (укрывателя) в трехдневный срок вернуть вещь (в том числе челядина). В случае невозвращения виновный платил 3 гривны за обиду.

Если в статье 11 речь идет о незаконном укрывательстве чужого челядина, то в статье 12 говорится о незаконном пользовании имуществом. Статья констатирует в данном случае важность самого факта незаконного пользования, поскольку кража коня каралась особо. Рассматривая лошадь как стратегический товар, статья устанавливает штраф за похищение или истребление коней, исходя из роли коней у смердов в ополчении.

Возврат имущества из незаконного владения проходил на основе строго установленной процедуры. Если речь шла об истребовании челядина, то имело место применение заклича, то есть объявления на торгу о пропавшей вещи. Статьи 13 и 14 Краткой редакции Русской Правды содержат нормы права, определяющие порядок изъятия собственником своей вещи у незаконного владельца. Здесь имели место нормы материального права (возвращение конкретной вещи и штраф в размере 3 гривен за обиду) и процессуального (возвращение вещи происходит при свидетелях или без них).

Система норм, регулирующая имущественные отношения, знала обязательства из договоров и обязательства из причинения вреда (обязательственное право). Обязательства из причинения вреда в Киевской Руси, как это было видно из рассмотрения статей 11 и 12 Краткой редакции Русской Правды, сливались с понятием преступления и назывались обидой. Обязательство представляло собой правоотношение, в силу которого лицо, нарушившее интересы другого лица, обязано было совершить определенные действия в пользу потерпевшего.

Гражданские обязательства допускались только между свободными лицами и возникали или из договора, или из деликта (правонарушения). В обиходе договор купли-продажи был самым распространенным, и Русская Правда свидетельствует о развитии торговли, довольно значительной по тому времени. Для законной купли требовалось приобрести вещь за деньги от ее собственника, а договор совершить в присутствии двух свободных свидетелей (ст. 47 Пространной редакции Русской Правды).

По мнению С.В. Юшкова, на Руси существовал такой древний договор, как мена. Договор был достаточно распространен

в период действия Русской Правды, хотя в законодательстве он и не отражен. Исторически договор мены предшествовал договору купли-продажи.

Договоры мены и купли-продажи ограждали торговцев (купцов) от окончательного разорения в случае несчастья. Если торговец потерял вверенный ему товар вследствие крушения судна, вследствие войны или пожара, то он не отвечал, но если же потерял или испортил его по своей вине, то доверители поступали с ним как хотели (ст. 54 Пространной редакции Русской Правды). Мена и купля-продажа (торговля) на Руси велась тогда в значительной степени на веру, то есть в кредит (ст. 48 Пространной редакции Русской Правды). В случае предъявления купцу разных долгов сначала подлежали удовлетворению доверявшие ему гости или торговцы иноземные, а потом уже из остатков имущества свои, туземные. Но если купец имел княжий долг, то последний удовлетворялся прежде всех (ст. 55 Пространной редакции Русской Правды).

Для древнерусского обязательственного права характерно обращение взыскания не только на имущество, но и на саму личность должника, а порой даже на его жену и на детей. Так, злостного банкрота можно было продать в холопы (ст. 54 Пространной редакции Русской Правды).

Из всех вышеперечисленных договоров наиболее полно регламентирован договор займа. Предметом договора выступали продукты, деньги, зерно. Вместе с возвратом одолженного обязательно взимались проценты. Статья 50 Пространной редакции Русской Правды регламентирует договор займа с процентами, хотя не ограничивает размера реза (процента). Этот договор заключался в присутствии свидетелей. В случае невозможности представить свидетелей займа при отказе ответчика от его уплаты займодавец все же мог получить свои деньги, если их сумма не превышала 3 гривен. Для этого ему достаточно было принести присягу о том, что он дал эти деньги должнику (ст. 52 Пространной редакции Русской Правды).

Величина процентов по займу находилась в зависимости от срока договора. Большой срок предполагал более высокую ставку процента. Месячный рез назначался при выплате долга в течение нескольких дней или месяца. Размер его не указан.

Однако комментарий к статье 51 Пространной редакции Русской Правды называет ставку, предусмотренную второй частью статьи 53 Пространной редакции Русской Правды: в 10 кун (куны — деньги) на гривну — 20 %. Более высокий процент — куны в треть (то есть 50 %) — платился, если срок займа достигал года. Должник, запоздавший с уплатой краткосрочного займа, также платил этот высокий процент, если он не отдал долг ранее года¹⁹.

В статье 50 «О резе» Пространной редакции Русской Правды упоминаются займы меда и жита, соответственно которым проценты называются наставом и присопом.

Таким образом закон не только защищал интересы ростовщика, но и поощрял длительные займы, приводящие к невозможности уплаты должником взятой суммы.

После смерти в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича, с которым исследователи связывают статьи 47—52 Пространной редакции Русской Правды, принятые в интересах купцов и ростовщиков, в Киеве вспыхнуло народное восстание, направленное против тысяцкого, сотских и ростовщиков. Оно отодвинуло на задний план острую борьбу по вопросу о преемнике Святополка между сторонниками Святославичей, которых поддерживала сильная группировка во главе с киевским тысяцким Путятой и сторонниками Мономаха. Первыми под ударами восставших оказались дворы нелюбимых сановников, а именно тысяцкого Путяты, иноземных гостей и купцов. Как пишет историк Д.И. Иловайский восставшие разграбили также дворцы жидов, которые купили себе разные льготы у Святополка и, по обыкновению своему, многих повергли в нищету в качестве жадных ростовщиков.

В такой обстановке феодальные верхи Киева объединялись вокруг кандидатуры Владимира Мономаха и стали просить его на стол (престол) отцовский и дедовский. Они сказали князю Владимиру: «Князь, иди скорее в Киев, а, если не придешь, то знай, что поднимается большое зло; уже не соцких и не жидов только будут грабить, а пойдут на вдовую княгиню, на бояр и монастыри, и ты будешь отвечать перед Богом, если разграбят монастыри»²⁰.

Приглашение боярами Владимира Мономаха на престол в 1113 г. стало прецедентом, использованным в дальнейшем для

обоснования права выбора сильного и удобного киевским боярам князя и заключения с ним ряда (договора), ограждавшего их территориально-корпоративные интересы. Нарушавших этот ряд князей бояре устраняли, перейдя на сторону его соперников или же путем заговора.

В ответ на призыв киевской феодальной знати Владимир Мономах прибыл в Киев и подавил восстание. Он достиг уже шестидесятилетнего возраста, когда занял великокняжеский престол.

Став киевским князем, Мономах закрепил союз с феодальной знатью Киева путем издания новых законов: Устава о резах (процентах) и Устава о закупах. Первым из уставов регулировались отношения товарного и особенно денежного кредита — ростовщичества с позиций защиты интересов ростовщиков-резоимцев (хотя и с элементами социальной демагогии).

Конечно, будучи умным и опытным политиком, способным противостоять своеволию феодалов и защитить интересы горожан, Владимир Мономах, перед тем как официально въехать в Киев, принял ряд компромиссных решений, которые должны были погасить остроту народного восстания. Так, в статье 53 Пространной редакции Русской Правды говорится об одном таком решении — ограничении размеров процентов, взимаемых по долгосрочным займам. В отличие от предшествующего законодательства (ст. 50, 51 Пространной редакции Русской Правды), в 1113 г. было установлено, что если ростовщик уже дважды получил с должника свои 50 % (то есть 100 % суммы долга), то он терял право на дальнейшее получение процентов, но сохранял его на получение данных в рост денег (исто — сумма, данная в долг). Если же ростовщик получил с должника свои 50 процентов уже трижды (то есть 150 % данных в долг денег), то должник объявлялся свободным от долга. Как установлено в этой же статье, изменения не касались займов под 20 %, то есть краткосрочных долгов.

Вместе с тем устав Владимира Мономаха о «резах», вошедший в состав Пространной редакции Русской Правды, — весьма крупное явление для истории княжеской власти. Ведь из памятников «уставной» деятельности русских князей для времени до XII в. известна только Правда Ярославичей, составляющая вторую часть (начиная со ст. 19) Краткой редакции Русской Правды, касающаяся княжих людей и княжих интересов,

следовательно, представляющую акт не общего, а специального законодательства. Это же следует сказать и о церковных уставах, дошедших до современников в таких позднейших переработках, что в них трудно выделить их подлинную старую основу и, стало быть, представляющие акты столь же специального законодательства. Что касается Устава о резах, то он регулирует отношения в области общего права городской общины. Возникновение Устава о резах, естественно, увязывают с бурными событиями, разыгравшимися в Киеве после смерти князя Святополка Изяславича. Однако именно они вызвали определение новых норм долгового права, которые потом вошли в состав Пространной редакции Русской Правды.

Второй устав — Устав о закупах — создавал правовые основы для эксплуатации боярством закабаленных смердов-закупов, устанавливая, в частности, превращение закупа в холопа за попытку бегства от господина (ст. 56 Пространной редакции Русской Правды).

С другой стороны, закон запрещал господину продавать закупа под угрозой освобождения последнего от займа и уплаты господином 12 гривен продажи, то есть господин за обиду платил 12 гривен штрафа (ст. 61 Пространной редакции Русской Правды).

Закуп обязан был возместить господину причиненный ущерб, происшедший по его вине или нерадению: за пропавший скот, если закуп не загнал его во двор, потерю хозяйского плуга или бороны (ст. 57 и 58 Пространной редакции Русской Правды).

Приведенная характеристика уставов Владимира Мономаха о резах и закупах, указывает на более широкое значение законодательства по сравнению с периодом до 1113 г. Но и это законодательство не может быть признано текущим, общегосударственным во всех отношениях. Оно было вызвано особыми обстоятельствами, связанными с фактом поднявшегося народного движения и коснувшимися интересами тех слоев, которые были близко связаны, а в значительной степени и слиты с княжеско-дружинной средой социальных верхов киевского общества. И хотя в названных уставах проскальзывает тенденция к ограничению их эксплуататорских инстинктов, законодатель-

ство Владимира Мономаха было актом самозащиты социальных верхов от народного раздражения.

Русская Правда упоминает также о договоре хранения (поклажи). В статье 49 Пространной редакции Русской Правды говорится, что договор поклажи совершался без свидетелей, но когда возникал спор при возвращении вещи, отданной на хранение, то хранитель очищал себя присягой.

Для Древнерусского государства характерно также отсутствие закрепощения крестьян. Это, конечно, не значит, что отсутствовала феодальная зависимость. Но на данной стадии развития феодализма характерно отсутствие прикрепления крестьянина к земле и личности феодала. И тем не менее феодализму в целом не свойствен наемный труд. Однако договор о личном найме упоминается Русской Правдой. Так, статья 110 Пространной редакции Русской Правды предусматривает поступление на работу (на службу) в качестве тиуна (слуги) или ключника. Служить тиуном и ключником значит быть исполнителем воли господина в его доме и хозяйстве. Символическое выражение в ношении с собой ключа от господского хозяйства означало вступление в должность ключника. Как Краткая редакция Русской Правды (ст. 43), так и Пространная редакция Русской Правды (ст. 97) регламентируют договор подряда на сооружение или ремонт моста.

Наследственное право характеризовалось открыто классовым подходом законодателя. Статьи Пространной редакции Русской Правды, посвященные наследственному праву (ст. 90—109), представляют собой новый кодекс, не известный Краткой редакции Русской Правды.

Констатация факта классового подхода законодателя в отрасли наследственного права устанавливается особым юридическим положением смердов в отношении наследства. Их права ограничены. По смыслу первой части статьи 90 Пространной редакции Русской Правды оставшиеся после смерда дети не имели права наследования его имущества. Однако вторая ее часть уточняет смысл нормы: в том случае, если у смерда оставались дочери, они получали часть наследства, если они не были выданы замуж, на прокормление. В любом случае классовая сущность рассматриваемой статьи не меняется: у смердов при от-

сутствии сыновей имущество считалось выморочным (не имеющим наследников) и поступало в пользу князя.

Совершенно иной подход к наследованию наблюдается у бояр и дружинников. В статье 91 Пространной редакции Русской Правды противопоставляется наследственное право различных групп феодального класса такому же праву смердов, подтверждая, что после смерти бояр и дружинников наследуют их сыновья, а при отсутствии последних — дочери.

Задница (наследство) переходила к наследникам или по завещанию, или по закону. Статья 92 Пространной редакции Русской Правды устанавливает существование обеих форм наследования — по завещанию и по закону. Наследниками без завещания в этой статье выступают только дети. Что касается наследников-родственников по завещанию, то их круг мог быть более широким. Имеется упоминание о части имущества, отдаваемого на помин души (в церковь или монастырь).

Законодатель устанавливает также наследственные права вдовы. Оставаясь полновластной хозяйкой имущества покойного супруга, вдова управляет общим хозяйством, пока оно не будет разделено между детьми, не наследуя при этом после мужа. Разделенное хозяйство предусматривает вдове на жизнь определенную часть имущества мужа (выдел). Если вдова вторично выходит замуж, она ничего не получает из наследства первого мужа (ст. 93 Пространной редакции Русской Правды).

Статья 95 Пространной редакции Русской Правды подтверждает древнерусскую норму, согласно которой дочери при наличии сыновей — их братьев — не наследуют после отца, но они обеспечиваются приданым, которое после смерти отца выделяется им братьями. Наследство, видимо, делилось поровну, но младший сын имел преимущество — он получал двор отца (ст. 100 Пространной редакции Русской Правды). Незаконные дети (дети господина, рожденные от рабы — женщины-рабыни) наследственных прав не имели. Но после смерти господина и они и их мать получали свободу (ст. 98 Пространной редакции Русской Правды).

Над малолетними детьми с их имуществом устанавливалась опека: опекуном выступала мать, а если мать повторно

выходила замуж, то опека принадлежала ближайшему родственнику умершего (ст. 99 Пространной редакции Русской Правды).

Законодательство Древней Руси регламентирует также семейное право. После принятия христианства на Руси устанавливается моногамная семья. Браку обязательно предшествовало обручение, считавшееся нерасторжимым. Церковь требовала венчания (религиозного обряда, совершавшегося в церкви) как неперемennого условия законности брака.

Для заключения брака требовались определенные условия: возраст брачующихся — 15 лет для жениха и 13 лет для невесты; свободное волеизъявление жениха и невесты и согласие родителей; стороны не должны были быть связаны другим браком; требовалось отсутствие родства. Кроме того, родителям запрещалось под страхом церковного наказания насильно выдавать замуж дочь или женить сына (ст. 24 Краткой редакции Устава князя Ярослава о церковных судах), а статья 19 Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах запрещала связь русской девушки с лицами, исповедовавшими религии Востока и жившими на территории Руси.

Брак мог расторгаться, но законодательство предписывало строго определенный перечень поводов к расторжению брака. Такими причинами являлись: прелюбодеяние жены, злоумышление против мужа или не предупреждение его о злоумышлении против него других, заболевание проказой, неспособность мужа к брачному сожителству в течение трех лет со времени заключения брака (физическое отсутствие по неизвестным причинам), уход в монастырь одного из супругов, смерть мужа или жены (ст. 4, 10 и 11 Краткой редакции Устава князя Ярослава о церковных судах). Личные отношения между супругами носили следы патриархального строя, исходя из главенствующего положения мужа и отца в семье.

Древнерусское законодательство большое внимание уделяет уголовному праву. Ему посвящено много статей Русской Правды, уголовно-правовые нормы есть и в княжеских уставах.

Исходя из общего определения Русской Правды как кодекса частного права, частный характер древнего права проявился и в сфере уголовного права. Преступление в Русской Правде определялось не как нарушение закона или княжеской

воли, а как «обида», то есть причинение морального или материального ущерба лицу или группе лиц (ст. 2, 33 и 34 Краткой редакции Русской Правды). Русская Правда не признавала разницы между преступлением и гражданско-правовым нарушением. Субъектом права могли быть только свободные люди, холопы и рабы объектами права не признавались (холопы и рабы, сами будучи разновидностью собственности, таковой не имели и имущественную ответственность за них несли хозяева).

Соответственно пониманию преступления как «обиды» строится в Русской Правде и система преступлений. В Русской Правде отражены только два вида преступлений: против личности (убийство, телесные повреждения, оскорбления, побои) и имущественные (разбой, кража, нарушение земельных границ, незаконное пользование чужой собственностью).

Государственные преступления в Русской Правде не упоминаются, хотя преступления против княжеской власти рассматривались как весьма тяжкие деяния. В таких случаях применялась непосредственная казнь на месте преступления (расправа княгини Ольги с убийцами своего мужа).

В Русской Правде доминируют штрафы, хотя на практике перечень уголовных кар был довольно велик и достаточно прост. В практике применялись такие виды наказаний, как кровная месть, «поток и разграбление», смертная казнь (смертная казнь в кодексе не указывается, хотя на практике она, несомненно имела место), уголовные штрафы, заключение в темнице, членовредительные кары. В этой системе уголовных наказаний особенно ярко проявляется классовая природа уголовного права, открыто встающего на защиту господствующего класса.

Что касается убийств, то о них упоминается еще в договоре с Византией 911 года. Статья 4 этого договора непосредственно указывает на то, что в случае убийства кого-либо убийца должен умереть на месте: перед нами явный признак кровной мести.

Краткая редакция Русской Правды в статье 1 допускает кровную месть, хотя ко времени составления Правды Ярослава кровная месть во многом потеряла свой первоначальный характер. Превращение родовой общины в соседскую и распад кровно-родственных связей трансформировали кровную месть от умерщвления убийцы каждым безнаказанно на месте преступ-

ления (договор с греками 911 г.) до ограничения круга мстителей за убийство только двумя степенями ближайших родственников убитого.

Таким образом, законодательство на этот счет, изложенное в Краткой редакции Русской Правды (ст. 1—18) еще не давало никаких преимуществ феодалам: и боярин, и смерд могли пользоваться правом кровной мести по отношению друг к другу. Господствующий же класс был заинтересован в установлении законодательных преимуществ для себя в вопросах уголовного, гражданского и семейно-брачного права. Именно поэтому сыновья Ярослава Мудрого в период совместного правления издали Правду Ярославичей (ст. 19—43 Краткой редакции Русской Правды), которая отменила кровную месть и установила штраф за убийство, размер которого находился в прямой зависимости от социальной принадлежности потерпевшего (ст. 19 Краткой редакции Русской Правды; ст. 2 Пространной редакции Русской Правды).

Размер княжеского взыскания или штрафа определялся вирую (вира — штраф, пеня, которую платил убийца в пользу государственной власти, князя). За убийство управителей княжеского феодального хозяйства и приближенных князя вира составляла 80-гривенную ставку (ст. 1 Пространной редакции Русской Правды). Что касается убийства представителей различных социальных групп, то защита, например, жизни княжеских отроков (отрок — младший судебный или административный исполнитель) предусматривала виру в 40 гривен. За убийство низших представителей вотчинной администрации, распорядителей работ на пашне нужно было платить 12 гривен. В качестве возмещения за жизнь рядовича (рядович — крестьянин, феодально-зависимый от князя, с которым его формально связывало обязательство по договору), законодательство устанавливало 5 гривен (ст. 11, 13, 14 Пространной редакции Русской Правды).

За убийство холопа или рабы вира не платилась. За это преступление была предусмотрена продажа (продажа — денежный штраф). Хозяину холопов, потерявшему свое имущество, уплачивался урок (урок — плата, налог, судебная пошлина, пеня, штраф). Размер этого урока мог быть 5 или 12

гривен, в зависимости от хозяйственной ценности холопа (ст. 89 Пространной редакции Русской Правды).

Виновный в разбое, то есть в убийстве без вины со стороны убитого, подвергался не только имущественному, но и личному наказанию — с женой и детьми выдавался князю на поток и разграбление. Сущность этого вида наказания в данном случае заключалась в изгнании преступника и членов его семьи из общины или города с конфискацией имущества (ст. 20 Краткой редакции Русской Правды и ст. 3 и 7 Пространной редакции Русской Правды). Если убийство произошло на территории общины, то последняя обязана была разыскивать разбойников или выплачивать штрафы (ст. 20 Краткой редакции Русской Правды). Штраф, который платили сообща члены верви (вервь — это общественно-территориальная единица, соседская, территориальная община) за убийство, произошедшее на ее территории, когда убийца был неизвестен или вервь не хотела его выдавать, назывался дикой вирой (дикая вира — это штраф за чужую вину). Размеры дикой виры — 40 и 80 гривен кун — очень значительные суммы, равные стоимости стада из 50 и 100 коров, которые составляли немалую часть собственности, принадлежащей членам общины в целом (ст. 4 Пространной редакции Русской Правды). Вместе с тем закон не попустительствовал убийце, даже вложившему деньги в дикую виру. Помимо виры, он должен был заплатить головничество (головником назывался убийца; головничество — вознаграждение родственникам убитого за голову, убийство) родственникам убитого из собственных средств (ст. 5 Пространной редакции Русской Правды).

Различалось также убийство на пиру и в сваде (свада — ссора), то есть убийство, совершенное в общественном месте на глазах у присутствующих, и убийство, совершенное тайно, по злему умыслу. Убийство на пиру, совершенное открыто, в честной схватке, расценивалось как менее тяжкое преступление и подлежало наказанию выплатой виры в 40 гривен с участием членов общины. Убийство, совершенное в сваде, в корыстных целях, являлось обстоятельством, отягчающим вину за убийство (ст. 5 и 6 Пространной редакции Русской Правды).

Русской Правде известно понятие соучастия. Так, статья 31 Краткой редакции Русской Правды говорит о наказании в

случае совершения преступления несколькими лицами: все со-
участники преступления отвечали поровну, внося каждый штраф
по 3 гривны 30 резан.

Нанесение побоев, оскорбления, телесные повреждения
карались денежными штрафами. Об этом свидетельствуют ста-
тыи 2—8 Краткой редакции Русской Правды, в которых сооб-
щается, например, о том, что за повреждение пальца выпла-
чивалось 3 гривны, за удары жердью, палкой, за вырывание
бороды и усов — 12 гривен. За отрубание руки полагался штраф
40 гривен. Угроза оружием наказывалась штрафом в 1 гривну.
Княжеские уставы знают и состав оскорбления словом, где
объектом преступления является преимущественно женщина. На
это указывает, в частности, статья 25 Краткой редакции Устава
князя Ярослава о церковных судах.

В уставах князей Владимира Святославовича и Ярослава
рассматриваются также половые преступления и преступле-
ния против семейных отношений, подлежащие церковному
суду, — самовольный развод, прелюбодеяние, похищение жен-
щины, изнасилование и т. д.

Среди имущественных преступлений в Русской Правде наи-
более злонамеренным являлась татьба (кража). Имущественны-
ми преступлениями являлись также уничтожение чужого иму-
щества, угон, повреждение межевых знаков, поджог, злостная
неуплата долга, разбой и др.

Как особый вид кражи, конокрадство считалось тяжким
видом татьбы, ибо конь был важнейшим средством производ-
ства, а также и боевым имуществом. В случае обнаружения коня
в чужом владении последний должен был быть возвращен соб-
ственнику, которому предусматривалась уплата в этом случае 3
гривен за обиду (ст. 34 Пространной редакции Русской Правды).
Убийство вора на месте преступления не считалось преступле-
нием и не влекло за собой наказания (ст. 38 Краткой редакции
Русской Правды). Общий же принцип, доминирующий при тать-
бе, заключался в том, что пострадавшему полностью компен-
сировался материальный урон и платился обидчиком штраф. При
краже коня — важнейшего элемента хозяйства — виновный под-
лежал высшей мере наказания — потоку и разграблению (ст. 35
Пространной редакции Русской Правды).

Также потоку и разграблению подвергался виновный за поджог хранилища собранного урожая — основного комплекса хозяйственных и жилищных построек (ст. 83 Пространной редакции Русской Правды). Суровость наказания за поджог диктовалась повышенной социальной опасностью, поскольку в деревянной Руси от одного дома или сарая могло сгореть целое село или даже город.

Описание названных наказаний позволяет свести их в следующую систему:

1. Высшей мерой наказания, как уже отмечалось, был поток и разграбление. Поток и разграбление — это и продажа в рабство виновного и его семью, это и конфискация имущества, иногда это означало и убийство осужденного.

2. Не менее важной и тяжкой мерой наказания после потока и разграбления была вира. Вира назначалась только за убийство. При соответствующих обстоятельствах, когда за преступника расплачивалась его вервь, это называлось дикой вирой. Вире сопутствовало головничество, продаже — урок.

3. За преступления, отнесенные к компетенции церковного суда, применялись специальные церковные наказания — епитимьи (поклоны, пост, длительные молитвы и т. п.).

В Древнерусском государстве управление и суд не были разграничены, а потому органы управления были одновременно органами суда в подвластных сферах, где ведущую роль играли князь и его администрация: они возбуждали процесс, сами собирали сведения и выносили приговор. Князь вершил правосудие лично или поручал это дело наместникам.

Как по уголовным, так и по гражданским делам судебный процесс носил ярко выраженный состязательный, то есть обвинительный характер. Судебный процесс начинался только по инициативе истца, стороны в нем (истец и ответчик) обладали равными правами, судопроизводство было гласным и устным, значительную роль в системе доказательств играли присяга, жребий и ордалии (суд божий).

Ордалии (в средневековом судебном процессе ордалия — способ выяснения правоты или виновности тяжущихся сторон путем так называемого «суда божьего») считались системой формальных доказательств, среди которых следует назвать судебный поединок — «поле». Победивший в поединке выигрывал

дело, поскольку считалось, что бог помогает правому. В Русской Правде судебный поединок не упоминается. Однако различные источники говорят о практическом применении поля.

Другим видом суда божьего были испытания железом и водой. Испытание железом заключалось в том, что подозреваемый должен был коснуться раскаленного металла, и по характеру ожога судили о его виновности. При испытании водой подозреваемого связывали особым образом, чтобы он не захлебнулся, и погружали в воду. Если он не начинал тонуть, то считался виновным (вода его не приняла).

Особым видом доказательства была присяга — «рота». Она применялась, когда не было других доказательств, но, разумеется, по небольшим делам. Ротой можно было подтвердить наличие какого-нибудь события или, наоборот, его отсутствие.

Система доказательств по Русской Правде состояла также и из свидетельских показаний: видоков — очевидцев, свидетелей преступления и послухов — свидетелей доброй славы, поручителей (ст. 2, 10 и 30 Краткой редакции Русской Правды). Ими могли быть только свободные люди. Показания холопа не принимались в расчет. В случае отсутствия свободного свидетеля в качестве такового мог выступить только боярский тиун (тиун — домоуправитель, дворецкий). Закуп тоже мог быть свидетелем, но только по крайней необходимости и по небольшим спорам (ст. 66 Пространной редакции Русской Правды).

Судебный процесс проходил в три этапа. Первый — это закличь, то есть форма информации о бежавшем или пропавшей вещи. Делалось публичное извещение на торговой площади (на торгу) с указанием индивидуальных признаков пропавшей вещи или отличительных особенностей пропавшего. Если пропажа обнаруживалась по истечении трех дней с момента заклича, тот, у кого она находилась, считался ответчиком (ст. 32 и 34 Пространной редакции Русской Правды).

Следующий этап — свод (свод — процесс отыскания недобросовестного владельца вещи, розыск виновника похищения или присвоения домашнего животного или вещи), что напоминало очную ставку. Эта процедура начиналась при опознании собственником похищенной вещи и имела своей целью

найти лицо, которое украло или присвоило вещь, а затем передало ее другим лицам. Лицо, у которого обнаружили пропавшую вещь, должно было указать, у кого эта вещь была приобретена. Свод продолжался до тех пор, пока не доходил до человека, не способного дать объяснение, где он приобрел эту вещь. Таковой и признавался татем (вором, от *татьба* — воровство, кража). Если свод выходил за пределы населенного пункта, где произошла кража, он продолжался до третьего владельца, который и брал на себя дальнейший розыск. Для того, чтобы побудить третьего владельца к продолжению свода и отысканию преступника, с этого третьего лица по счету владельца взыскивалась стоимость украденной вещи, и ему предоставлялось право далее самому продолжать свод (ст. 35—39 Пространной редакции Русской Правды).

Третий этап судебного процесса — гонение следа. Гонение следа заключалось в поиске доказательств и розыске преступника по его следам. При отсутствии в Древней Руси специальных розыскных органов и лиц гонение следа осуществляли потерпевшие, их близкие, добровольцы и члены общины. При этом процедура преследования по следу должна была вестись с участием чужих людей, не принадлежавших общине, на территории которой было совершено неизвестным лицом преступление (кража), являвшихся понятыми, чтобы исключить предвзятость ее результатов (ст. 77 Пространной редакции Русской Правды).

Обвиняемый призывался в суд лицом, состоящим при дворе наместника или князя, называемым доводчиком. Призываемый в суд по уголовному делу должен был найти поручителя, который бы поручился за него в его явке в судебное заседание в указанный срок. Если же обвиняемый не находил поручителя, то его лишали свободы и заковывали в железо.

Жалобы сторон на решения суда подавались князю. Положения, относящиеся к исполнению судебных решений, приведению в исполнение приговоров, сводились к тому, что спорную вещь сторона, выигравшая судебный процесс, забирала немедленно по окончании судебного разбирательства. Должники уводились кредиторами домой или для продажи. Поджигатели и конокрады сперва возмещали причиненный ущерб, а затем подвергались уголовному наказанию.

Итак, Древнерусское государство являлось важнейшей вехой в истории народов нашей страны и его соседей в Европе и Азии. Будучи крупнейшим европейским государством, оно оказало сильнейшее влияние на судьбы мирового исторического процесса.

Древнерусское государство, созданное древнерусской народностью, явилось колыбелью трех крупнейших славянских народов — великороссов, украинцев и белоруссов.

В Древнерусском государстве сложилась форма раннефеодальной монархии, которая сохранялась потом и у ее преемников на протяжении нескольких веков.

Громадное значение имело древнерусское право, памятники которого, особенно Русская Правда, дожили и до Московского государства.

Закономерные исторические процессы развития феодализма влекут за собой отмирание Древнерусского государства. Развитие феодальных отношений, породившее Древнюю Русь, приводит в конце концов к ее распаду, неизбежному процессу установления феодальной раздробленности в XII веке.

Примечания

- ¹ Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43.
- ² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С. 310—314.
- ³ Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические заметки) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1995.
- ⁴ Скрынников Р.Г. История российская IX—XVII вв. М., 1997.
- ⁵ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 1997.
- ⁶ Кучма В.В. Государство и право Древнего мира: Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран. Волгоград: Изд-во «Офсет», 1998. С. 14.
- ⁷ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 185.
- ⁸ Шанин А.А. Политический режим: сущность, содержание и типология (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.01). Волгоград, 1999. С. 27.
- ⁹ Иловайский Д.И. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М.: Чарли, 1996. (Серия «Актуальная история России»). С. 464.
- ¹⁰ Рогов В.А. Государственный строй Древней Руси. М., 1984. С. 6—7.
- ¹¹ Кучма В.В. Указ. соч. С. 18.
- ¹² Пресняков А.Е. Княжое право... С. 401—404.
- ¹³ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. С. 329.
- ¹⁴ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М.: Богородский Печатник, 1998; Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988; Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950; и др.
- ¹⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 301.
- ¹⁶ Рогов В.А. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁷ Павлов А. «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885.
- ¹⁸ Пресняков А.Е. Княжое право... С. 424—426.
- ¹⁹ Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 101.
- ²⁰ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 119.

Литература

1. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 1997.
2. Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43—52.
3. Иловайский Д.И. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский) М.: Чарли, 1996. (Серия «Актуальная история России»).
4. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1.
5. Кучма В.В. Государство и право Древнего мира: Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран. Волгоград: Изд-во «Офсет», 1998.
6. Павлов А. «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885.
7. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.
8. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М.: Богородский Печатник, 1998.
9. Rogov V.A. Государственный строй Древней Руси. М., 1984.
10. Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984.
11. Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности: Сборник статей / Руководитель коллектива, составитель и автор вступительной статьи Е.С. Троицкий. М: АКИ РН, 1998.
12. Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические заметки) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1995.
13. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
14. Скрынников Р.Г. История Российская IX—XVII вв. М., 1997.
15. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995.
16. Шанин А.А. Политический режим: сущность, содержание и типология (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.01). Волгоград, 1999.
17. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госиздат, 1949.
18. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

Содержание

Введение	3
1. Образование Древнерусского государства	5
2. Социально-экономический строй Древней Руси	19
3. Государственный механизм	27
4. Древнерусское право	34
Примечания	56
Литература	57

Для заметок

Учебное издание

Проценко Юрий Леонтьевич

Древнерусское государство и право
Лекция

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редактор *И.И. Незнаева*

Технический редактор *Н.Н. Захарова*

Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 10.10 2000 г. Формат 60х84/16.

Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 3,5.

Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 81.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.